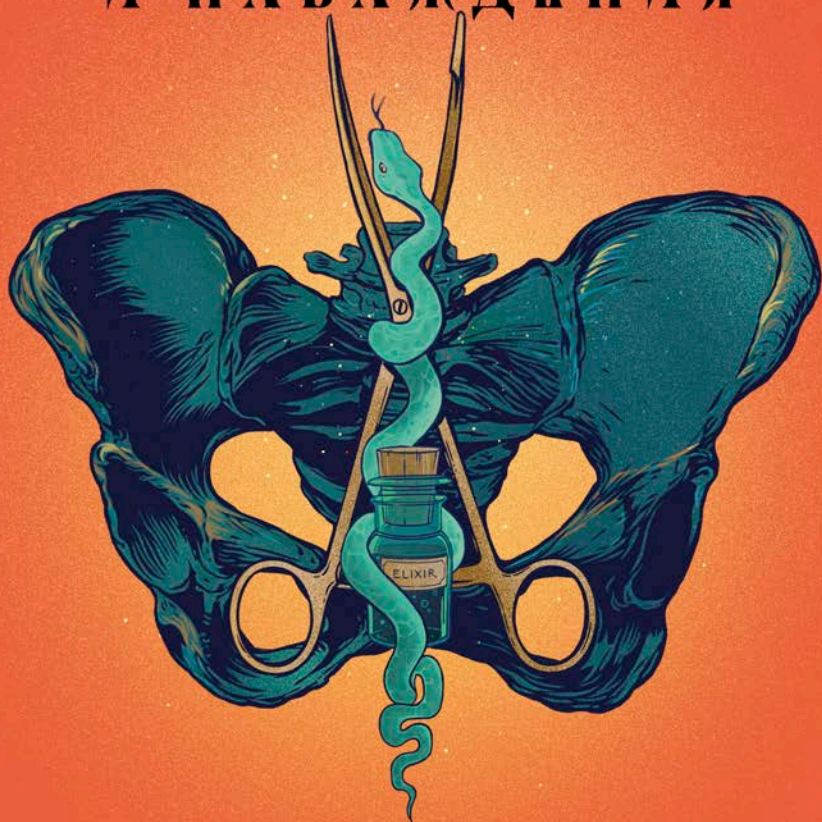

ВИКРАМ ПАРАЛКАР

ПОРОКИ И НАВАЖДЕНИЯ

РОМАН

ПЕРЕВОД
ЮЛИИ ПОЛЕЩУК

МИ∞

Оглавление

I

Amnesia inversa	13
Болезнь Агриколы	17
Immortalitas diabolica	23
Распутная болезнь	29
Mors inevitabilis	35
Lingua fracta	39
Vulnus morale	43
Pulchritudo scelerata	47
Отравление эрисифией	51
Forma cyclica	55

II

Renascentia	63
Болезнь Бернара	67
Tristitia contagiosa	71
Corpus ambiguum	75
Mors transiens	79
Persona fracta	83
Foetus perfidus	87
Aphasia floriloquens	91
Exilium volatile	95

III

Проклятие Сизифа	103
Tabes arcana	107
Insania communalis	111
Osteitis deformans preciosa	115
Confusio linguarum	121
Conscientia errans	125
Amnesia histrionis	129
Membrum vestigiale	133
Сезонный паралич	137

IV

Amnesia esoptrica	143
Corpus fractum	147
Oraculum terribile	151
Dictio aliena.	155
Pestis divisionis	159
Неаполитанская болезнь	163
Virginitas aeterna	167
Chorea rhythmica	171

V

Нупersomnia fatalis	177
Empathia pathologica	181
Glossolalia cryptica	187
Torpor morum	193
Conceptus continuus	199
Блуждающая слепота	205
Dysacousis torrens	209
Синдром проклятого целителя	213

VI

Болезнь Ланфранко	221
Болезнь Мнемозины	227
Aevum insolitum	233
Visio determinata	239
Auditio cruciabilis	245
Morbus geographicus	249

VII

<i>Благодарности</i>	255
--------------------------------	-----

На некоей полке в некоем шестиграннике (полагали люди) стоит книга, содержащая суть и краткое изложение всех остальных: некий библиотекарь прочел ее и стал подобен Богу¹.

*Хорхе Луис Борхес.
Вавилонская библиотека*

Говорят, что в этих городах-двойняшках невозможно уже отличить живых от мертвых².

*Итало Кальвино.
Невидимые города*

¹ Перевод В. Кулагиной-Ярцевой.

² Перевод Н. Ставровской. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

I

Я удивился, Максимо, узнав, что ты аптекарь. Я здесь уже семьдесят лет, за эти годы в Центральной библиотеке бывало столько аптекарей, что и не сосчитать, но ни один из них не выказал желания стать библиотекарем. Ты еще и старше — дай угадаю: тебе около сорока, остальные же тут с тех пор, как начали пробиваться усы. Осторожнее с теми шкафами: не очень-то они устойчивые. Лучше иди вдоль этой стены.

Как я говорил, это место сродни монастырю. Родители отдают сюда детей, и те поначалу метут полы и моют стены. Большинство из них никогда не добьются большего. Те немногие, кто выучиваются читать и писать, становятся писцами: переплетают книги, копируют трактаты, записывают за приезжими учеными. Лишь самые одаренные дорастают до библиотекарей. Впрочем, ни к чему утруждать тебя черной работой. Я читал твой трактат о болезнях эпифиза. Исчерпывающее, кропотливое исследование.

Обычно новичкам показывает Библиотеку кто-нибудь из молодых библиотекарей, но в твоём случае я решил, что сделаю это сам. Не мешает размять ноги. Врачи запретили мне выходить из комнаты: они уверены, что постельный режим отсрочит мою смерть. Я живу уже дольше, чем заслуживает человек, и чахотка стремится поскорее меня прикончить. Не беспокойся, я не обременяю тебя тайной. Об этом знают все — и обращаются со мной точно с хрустальной вазой. Как бы то ни было, чем не причина нарушить запреты врачей?

Идем сюда, и смотри под ноги, тут поворот.

Как видишь, мы постоянно пристраиваем к Библиотеке новые флигели и сегменты. Знал бы ты — а впрочем, скоро узнаешь, — сколько нам каждый день привозят ведомостей! Подробные описания боевых ранений, сообщения об эпидемиях, патентные формулы новых снадобий, эскизы целебных амулетов, рецепты растительных экстрактов со всех уголков света, а нам, библиотекарям, приходится думать, как включить все это в каталог. Библиотека — лишь зеркало медицины за ее стенами. Ты лучше меня знаешь, что и диагноз, и лечение день ото дня становятся эзотеричнее. Теперь недостаточно быть врачом: нужно знать алхимию и картографию. Даже движение звезд. Как прикажешь за всем этим уследить? Растет ведь не только хранящееся в Библиотеке знание, но и царящий в ней беспорядок. Но это мало кто понимает.

В свое время ты узнаешь и о наружных коридорах, и об их содержимом. Ты об этом не упоминал, Максимо, но тебе наверняка не терпится увидеть главный зал, верно? Да, я так и думал. Вряд ли тебе случалось бывать там — если, конечно, у тебя не нашлось веской на то причины. Раньше мы были намного более открытыми, но после того безумца — я расскажу о нем позже — пришлось устроить правила. Мы пускаем лишь тех, у кого есть письма от покровителей, подтверждающие их ученость. И душевное здоровье. В конце концов, *Encyclopaedia Medicinæ*³ всего одна и слишком ценна, чтобы ею рисковать.

Да, Максимо со мной. Пропустите его. Обыскивать нет нужды.

Не обращай внимания на охранника. Дурак, что с него взять. Сам понимаешь, нанимают их не за ум. Думаю, тебе не привыкать к тому, что на тебя смотрят, и все же. Я поговорил с библиотекарями, они не станут относиться к тебе иначе из-за твоего роста.

Энциклопедия состоит из трехсот двадцати семи томов, для каждого устроены свои тиковая полка и скамья для чтения. Если ты избрал провести жизнь среди свитков и книг, аромат пергамента и велени станет для тебя желаннее запаха пищи. Знаешь ли ты, как изготавливают пергамент? Этому ремеслу учится каждый библиотекарь. Мы все бывали на бойнях, отбирали шкуры

³ Энциклопедия медицины (лат.).

без дыр и полос от кнута, без шрамов, укусов клещей, пятен, следов болезней. Омерзительное занятие.

Посмотри на эту книгу, на ее безупречный корешок, на чистые прекрасные слова. Ничто не напоминает о том, что некогда ее страницы висели на мясницких крюках в окружении потрохов. Сперва сырую шкуру моют и вымачивают в извести, чтобы сошла шерсть, — воняет ужасно, поверь. Трижды в день ее нужно переворачивать, да не передержать. Оставь ее в извести на день дольше — и шкура порвется. Потом шкуру растягивают и день ото дня зажимы, которые ее держат, отодвигают чуть дальше, пока она не станет тонкой, сухой и тугой как барабан. Кто знает, сколько скота ушло на создание Энциклопедии? Энциклопедии лечения. Написанной на основе смерти.

Но довольно об этом. Посмотри, какая изящная книга. Обложка, поля, очертания каждой буквы. Как я говорил, на свете одна-единственная *Encyclopaedia Medicinæ*.